

ХРИСТИАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЭМОЦИИ

В святоотеческой литературе эмоциональным явлениям уделяется большое внимание. Хотя сам этот термин здесь не употребляется, однако нетрудно заметить, что эквивалентом эмоциональных явлений выступает раздражительная часть души, средоточием которой является сердце. Характеристика раздражительной части души, даваемая в святоотеческой литературе, во многом совпадает с характеристикой эмоциональных явлений, даваемой светской психологией, но есть и важные различия, анализ которых имеет существенное значение для понимания механизмов регуляции эмоций.

Рассмотрим характеристику эмоциональной сферы человека, содержащуюся в трудах святителя Феофана Затворника, который опирался на опыт своих предшественников и во многом развил его.

Первое принципиальное отличие святоотеческой психологии от психологии светской состоит в том, что анализ сущностных сил человека, его способностей — умственных, чувствующих (раздражительных) и действующих (вождевательных) — опирается на представления о природе человека, с одной стороны, и на то состояние, в котором находится человек: под грехом или под благодатью. Святитель Феофан выделяет в человеке три уровня: телесный, душевный и духовный. Согласно этой иерархии святитель выделяет и три стороны человеческой жизни: телесную, душевную и духовную¹. Эти стороны он характеризует следующим образом.

---

¹ См.: *Феофан Затворник, свт.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. М., 2008. С. 57.

Основной потребностью тела является удовлетворение низших, или свойственных природе человека, желаний. К ним относятся: прием пищи, утоление жажды, дыхание, покой или движение. Душевные потребности человеческой личности имеют тройственное проявление. Первое — потребность мыслить, главным центром этого действия выступает рассудок человека. Второе — желание или нежелание чего-либо. За данный акт отвечает воля человека. Третий аспект — это чувства. Местом сосредоточения всех чувств в человеке является сердце, именно от него мы получаем информацию о симпатии или антипатии к кому-либо или чему-либо. Основной потребностью духа является познание Бога, стремление к Нему. В человеке это проявляется как жажда Бога, страх Божий, голос Бога в каждом человеке — совесть².

Но не стоит думать, что все эти три категории действуют в человеке каждая сама по себе. Нет! Они очень тесно связаны между собой, и эта связь делает человека личностью. Только необходимо определиться, что и чему подчинено в этой цепочке. Святитель Феофан дает четкую формулу этой иерархии: норма и достоинство человеческого существования состоит в доминировании духовного уровня, подчинении ему душевного и телесного уровня: «...в составе существа человеческого три части: дух, душа и тело, из коих характер первого — отрешение от чувственного, последнего — погружение в нем, средней же — совместность того и другого. Цель и назначение первого есть общение с Богом и миром духовным, последней — посредничество в сношении с миром чувственным; средняя должна от чувственного через дух восходить к Богу и одуховляться и от Бога через дух низводить одуховление чувственному»³.

Грех приводит к нарушению данной иерархии. Дух становится поработанным душе, а душа подчиняется телу. А поскольку, по учению святых отцов, грех есть противление воле Божией,

² См.: Там же. С 59.

³ *Феофан Затворник, свт.* Воплощенное домостроительство. Опыт христианской психологии. М., 2008. С. 197.

то человек начинает противоестественную жизнь, а иными словами, существование без Бога и в борьбе с Ним⁴. Часто совершаемый грех превращается в страсть и уже полностью овладевает всем человеком. Отсюда видна вся опасность для человека страстей, их нравственный вектор, направленный от Бога. И в этом есть отличие от светской психологии, которая рассматривает страсть как проявление любой эмоции в максимальной ее силе вне нравственного контекста.

Выше упоминалось, что святитель Феофан, опираясь на святоотеческий опыт, выделяет три вида сил, действующих в человеке: умственную, раздражительную и вожделевательную. При этом он каждую из этих сил делит на три вида, согласно устройству человеческому, а именно на телесную, душевную и духовную⁵. Данные силы не действуют отдельно друг от друга, но они взаимосвязаны в человеке. Так, у человека с помраченным от страстей умом воля бессильна сопротивляться и чувства толкают человека на грех. И напротив, в человеке, чей ум занят познанием Бога, воля полностью подчиняет себе тело с плотскими желаниями.

Далее в своей работе мы неоднократно будем возвращаться к этому свойству, а сейчас более подробно остановимся на раздражительной, или чувственной, стороне души. Вместилищем этих сил является сердце. Вот как об этом говорит святитель Феофан: «Кто не знает, сколь великое значение имеет в жизни наше сердце. В сердце осаждаются все, что входит в душу со вне и что вырабатывается ее мыслительной и деятельной стороной; чрез сердце же проходит и то все, что обнаруживается душою вовне. Потому оно и называется центром жизни»⁶. О том, что сердце есть главный центр духовной жизни человека, говорит и преподобный Марк Подвижник. Разъясняя слова Господа о том, что *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21), он говорит о том, что для начала

⁴ См.: Феофан Затворник, свт. Воплощенное домостроительство... С. 201.

⁵ См.: Там же. С. 211.

⁶ Феофан Затворник, свт. Начертание христианского нравоучения. М., 2010. С. 548.

необходимо возыметь в сердце благодать Святого Духа и только потом войти в Царствие Небесное⁷.

Но прежде чем говорить о силе, обитающей в сердце, рассмотрим, как вообще понимают сердце Священное Писание и святые отцы.

С одной стороны, сердце — это мышечный орган. С другой — это центр личности человека, место, в котором таинственным образом происходит познание человеком *Бога*: Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят (Мф. 5, 8). Исходя из этого, современные богословы «делят» сердце на вышеестественное (духовное) и естественное (плотское)⁸.

Для начала разберем, что есть духовное сердце. Точного определения нет, так как ум, помраченный помыслами страстей, не может познать эту «непостижимую бездну»⁹. Но и человек, живущий духовной жизнью, может лишь отчасти познать, что «сердце не просто физический орган... но нечто неопределяемое, способное соприкоснуться с Богом, источником всякого бытия»¹⁰. Сердце — это центр духовной жизни человека, через него Бог подает Свою благодатную энергию всем силам человеческой души.

Говоря о плотском сердце, святые отцы считают его оболочкой духовного. Так, основываясь на словах Спасителя о том, что *из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбоддеяния, любоддеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления* (Мф. 15, 19), святитель Григорий Палама пишет: «...сердце есть сокровищница разума и первый плотской разумный орган»¹¹. Когда человек перестает рассеиваться и старается обратить свой

⁷ См.: *Марк Подвижник, прп.* К тем, которые думают оправдаться делами, 226 глав // *Добротолюбие*: В 5 т. М., 2004. Т. 1. С. 552.

⁸ См.: *Иерофей (Влахос), архим.* Православная психотерапия. Свято-отеческий курс врачевания души. М.: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2005. С. 157.

⁹ *Макарий Великий, прп.* Единственное спасение наше — Господь Иисус Христос // *Добротолюбие*. Том 1. С. 367.

¹⁰ *Иерофей (Влахос), архим.* Указ. соч. С. 311.

¹¹ *Григорий Палама, свт.* Триады в защиту священнобезмолвствующих. М., 1995. С. 43.

ум к сердцу, то именно с плотским сердцем ему предстоит первая встреча. Плотское сердце, словно коркой, покрывается грехами, преграждая путь к духовному сердцу. Из-за этого человек не может познать Бога, но это не означает, что Бог оставил такого человека. Он невидимо, из глубины духовного сердца посылает ему Свою помощь, и как только тот решится на борьбу с грехом, явит Себя последнему в той мере, в какой он может воспринять¹². Основываясь на этих знаниях, святитель Феофан Затворник раскрывает учение о сердце как о вместилище раздражительной, или эмоциональной, силы души. Так как сердце является собой как плотской орган, так и духовный, а вместе с тем и душевный — как посредник между телом и душой, то и святитель разделяет в нем три вида чувств: духовные, душевные и животнотелесные¹³.

Духовные чувства святитель называет еще и религиозными чувствованиями¹⁴. В первую очередь это вера, затем страх Божий, надежда, упование, любовь. В полной мере познание этих чувств человеку невозможно, так как эти эмоции, принадлежащие надъестественной природе, вложенные Творцом в человека для познания Себя, были заглушены грехом. За стремление к Богу в человеке отвечает дух, который сам принадлежит духовному миру, побуждает и человека к духовному совершенствованию. В прародителях дух главенствовал над всем естеством человека и устремлял его к Творцу. После падения, лишившись возможности прямого богообщения, люди стали все более ослабевать духом, ими начинает владеть душа с ее желаниями, а затем и душа вместе с духом подчиняются телу с его животными страстями. Происходит смещение той иерархии, о которой говорит святитель Феофан¹⁵. Отсюда следует, что для познания Бога надо развивать духовные чувства, но для их развития необходима борьба с грехами.

¹² См.: *Авва Дорофей, прп.* Подвижнические наставления // Добролюбие. Т. 2. С. 615.

¹³ См.: *Феофан Затворник, свт.* Воплощенное домостроительство... С. 435.

¹⁴ См.: Там же. С. 434.

¹⁵ См.: Там же. С. 23.

Характерным является и состояние этих чувств у христианина и нераскаянного грешника. Если для первого вера является источником познания Бога, то для второго, если он еще не утратил это чувство, есть лишь некое предчувствие, которое он не может определить для себя. Христианин через веру ощущает все бытие Бога, Его Промысл о себе. Все его чувства пропитаны присутствием Божества в своей жизни, отсюда рождается и упование на Бога, и милосердие к своим ближним, сострадание и любовь. На таких людях исполняются слова апостола любви Иоанна Богослова, говорящего, что те, кто пребывает в любви, пребывает в Боге, и Бог пребывает в них (см.: 1 Ин. 4, 16). И молитва как дар Святого Духа у таких людей бывает чище и легче восходит к Престолу Божию. Они уже не ищут иных утех, земных благ, но, взгреваемые верою, устремляют свой взор, мысли и желания к Творцу. Дух, не знающий упокоения в достигнутой добродетели, всегда побуждает человека к совершенству — быть подобно Творцу¹⁶. Но это только в том случае, если человек живет богоугодно, стремится исполнять заповеди Христовы.

Дух как бесконечный источник энергии может вести человека не только к спасению, но и к вечной гибели. У грешника дух подчинен телесным страстям, которые ведут его к гибели. Чувства такого человека похожи на постоянную вереницу из желаний. Ощущая внутреннюю тоску, он не понимает, что это тоска по Богу, и заполняет ее земными средствами. Ф.М. Достоевский, описывая подобное состояние, которое случилось с ним, говорил так: «Как только я начинал испытывать тоску, я садился в экипаж и ехал в кабак. За пьяным весельем, игрой в карты эта тоска как бы исчезала. Но приходило время уезжать домой, и в экипаже, оставшись наедине с самим собой, я ощущал тоску еще сильнее, и мне снова хотелось вернуться в компанию друзей»¹⁷.

¹⁶ См.: Там же. С. 423.

¹⁷ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 15 т. Л., 1996. Т. 15: Письма 1834–1881 гг. С. 213.

Эти слова достаточно ярко показывают действие духа. Как он не может найти упокоения в достигнутой добродетели, то с такой же силой влечет человека к глубинам беззакония, погружая его еще больше во мглу греха. Забывая о главной цели своего существования — богообщении¹⁸, такие люди тратят жизнь на поиск новых, все более изощренных средств удовлетворения своих страстей. Такие чувства, как радость, любовь, сострадание, хотя и бывают у них, но зачастую носят эгоистичный характер. Хотя они и совершают добродетели, но их основой служат страсти. Например, они делают во время молитвы благоговейный внешний вид лишь для того, чтобы понравиться и снискать уважение у окружающих. Все их поступки пропитаны гордостью и самолюбием¹⁹. Голос совести, звучащий в душе грешника, побуждает его к исправлению страстной жизни, он пытается остановить его вечными муками, ожидающими грешников. Но вместо прекращения злодеяний человек закрывается как бы непроницаемым куполом, чтобы не слышать голоса совести²⁰.

Не принимая благодать Христову, изменяющую все, сердце пребывает в ожесточении. *Жестоковыйные! люди с необрезанным сердцем и ушами!* — обратился к иудеям первомученик Стефан (Деян. 7, 51). Именно это ожесточение «собирает» гнев, за который человек будет осужден. *Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога* (Рим. 2, 5). Люди подвергнутся осуждению за ожесточение сердца. Сердце жестокое — это *железные ворота, ведущие в город* (ср.: Деян. 12, 10). Закрытые врата не позволяют человеку войти во град. Но «злостраждущему и сокрушенному они сами о себе отверзутся, как и Петру»²¹. Поэтому наш долг — не создавать таких условий, чтобы сердце ожесточилось

¹⁸ См.: Феофан Затворник, свт. Путь ко спасению. М., 2011. С. 311.

¹⁹ См.: Марк Подвижник, прп. 200 глав о духовном законе // Добролюбие. Т. 1. С. 289.

²⁰ См.: Феофан Затворник, свт. Воплощенное домостроительство... С. 311.

²¹ Марк Подвижник, прп. 200 глав о духовном законе. С. 522.

и окаменело. *Не ожесточите сердец ваших, как во время ропота* (Евр. 3, 8). Ожесточенное сердце зовется и окаменелым. С такими окаменелыми сердцами много раз сталкивался Господь. После чуда умножения пяти хлебов и бури сердце апостолов еще *было окаменено* (Мк. 6, 52). В другом случае Господь сказал: *Еще ли окаменено у вас сердце?* (Мк. 8, 17). Глядя же на людей, обращавших внимание на то, исцелял ли Он в субботу, Господь, *воззрев на них с гневом, скорбя об ожесточении сердец их* (Мк. 3, 5), исцелил имевшего сухую руку.

Болезнь сердца — это и нечистота. Естественно, что сердце, утратившее благодать Божию и подверженное воздействию лукавых бесов, является нечистым. По словам преподобного Никиты Стифата, нечистота души — это не только когда человек имеет нечистые помышления, но и когда он превозносится своими подвигами, бахвалится добродетелями и много думает о своей мудрости и ведении Бога, то есть, гордясь ими, осуждает братьев как беспечных и нерадивых. «Это видно из притчи о мытаре и фарисее»²².

Душевыми чувствами святитель Феофан называет «те движения сердца, кои происходят в нем вследствие изменений, происходящих в душе, от свойственной ей деятельности. Они разделяются на теоретические, практические и эстетические, поколику, то есть, происходят от воздействия рассудка и воли или суть следствия вращения сердца в себе самом, или в своей области»²³. Основой теоретических чувств является отношение сердца к познаваемым истинам. Тут проявляется способность нашего разума к познанию новых вещей. Прежде чем сердце запечатлеет в себе конечный результат познавательной деятельности, рассудок совершит сложную работу. В начале процесса можно видеть лишь простую любознательность, итогом же будет служить чувство истины. Но, как отмечает святитель Феофан, у человека-грешника

²² *Никита Стифат, прп.* Вторая сотница естественных психологических глав об очищении ума // Добротолюбие. Т. 5. С. 157.

²³ *Феофан Затворник, свт.* Воплощенное домостроительство... С. 457.

и истинного христианина эти чувства совершенно разнятся²⁴. У первого это сомнение, неверие, отвержение, недоумение. У второго — несомненность, вероятие, убежденность. Господь неоднократно называет Себя Истиной, источником всякой правды (см.: Ин. 8, 32). И нет ничего удивительного в том, что если человек полностью отпадает от своего Творца, от источника всякого знания, Того, Кто может подать мудрость небесную (см.: 3 Цар. 3, 5–10), он будет неспособен принять логических даже с точки зрения мирского закона вещей. Ум такого человека заслоняется суетой житейской, и к нему можно отнести слова Спасителя, сказанные Им в притче о сеятеле (см.: Мф. 13, 3–23).

И на самом деле, если человек разрывает свой ум на множество пустых дел, способен ли он сосредоточиться на выполнении главной задачи, по любви ли он изучает науки? Святитель Феофан отвечает на этот вопрос отрицательно: «По любви ли к истине все у него делается или *ex officio* (по должности, по обязанности. — *Авт.*) и по каким-нибудь сторонним побуждениям? Как мало, сверх того, у него вкуса к истине, умения и желания наслаждаться ею, — видно из свойственной ему лености, бегания умственного труда, владычества в нем воображения, легкомыслия»²⁵. Отличительной чертой познания истины является высокая степень убежденности в ней. Но и тут стоит сделать поправку: для христианина истина есть Сам Бог, в то время как у человека, отвергающего Его, истина есть убежденность своего помраченного ума. Источником такой истины может быть сатана. Так как сам по себе он не может творить, но легко может прикрываться даже «ангелом света» (см.: 2 Кор. 11, 14), то человек, лишенный познания Истины, попадает на его уловку и сам того не ведая становится противником Истины. Сердце христианина, познавшего Бога, пронизано убеждением истины, «но сердце, пребывающее во лжи, не пустит в себя истины. Итак, бывают ли у грешника

²⁴ См.: *Феофан Затворник, свт.* Воплощенное домостроительство... С. 461.

²⁵ Там же. 437.

несомненные убеждения в истине? Нет; по крайней мере, смотря на неоднократные опыты, как один и тот же легко перебегает от одних начал к другим, — можно подозревать его в том. При этом, где же плод убеждения, если он есть? И опять, что значит, что у человека, отшатнувшегося с доброго пути, на коем был, тотчас выпадают из сердца очень многие убеждения и он никак не может воспроизвести их в себе, пока не возвратится на прежний путь? Также, недостаток ревности стоять за истину от чего другого, как не от слабости убеждения? Из таких фактов можно вообще вывести заключение, что у грешников или мало, или совсем нет несомненных убеждений. Совсем другое у тех, кои от тьмы греха обратились к свету Божию. Жажда истины, можно сказать, первая у них жажда; у них слово Божие непрестанно в устах и мысли. Сладость истины кто знает, как не они, когда живут в истине? Исчадий неверия и сомнения у них нет, а напротив, сила убеждения срастается с их бытием, отчего известное тотчас переходит в дело, и за истину они готовы отдать самую жизнь, и — отдают, когда нужно»²⁶.

В познании истины святитель делает акцент на то, что единственным источником последней является Бог, и если стремишься познавать Его, то все остальное прикладывается: *Ищите же прежде Царства Божия, и это все приложится вам* (ср.: Мф. 6, 33). В мирской же психологии объектом и конечной целью познания является окружающий мир, а истина признается лишь человеческая. «Чувство же Божественной истины — способность сердцем, без пособий сторонних, узнавать истинный порядок вещей, истинные их свойства, — свойственная природе человека, — способность удивительная, у первого [у грешника. — *Ред.*] заглушена совершенно, у второго же [у истинного христианина. — *Ред.*] оживает, усиливается и наконец является во всей своей силе. Так, по одному чутью узнают брата, врага, друга, сыновей, нужное лицо и то, как в каком случае поступить»²⁷.

²⁶ Там же. С. 442.

²⁷ Там же. С. 512.

Под практическими чувствами святитель понимает те силы, которые входят в теснейшую связь с деятельностью воли человека. И в зависимости от источника этих сил он различает силу, возбуждающую волю, или силу, ведущую ее за собой. «Их, можно сказать, два рода: чувства самости (эгоистические), приятные и неприятные, и разного вида расположения к людям, добрые и недобрые (чувства симпатические). Первого рода суть: самодовольство или самопрезрение, самовозношение, самоуничужение, надменность, спесь и прочее. Второго: равнодушие, из которого, с одной стороны, — уважение, соревнование, сорадование, соболезнование, сожаление, признательность, дружба и прочее, с другой — зависть, злорадство, месть, ненависть, вражда, презрение, осуждение и прочее»²⁸.

Отсюда видно, что если человек хочет исправить свою жизнь, познать Истину, то в первую очередь он должен изжить в своем сердце эгоизм и самость. Преподобный Иоанн Лествичник, указывая на путь восхождения к совершенству, пишет о послушании как об одной из начальных ступеней этого восхождения²⁹. Монах, принимая постриг, приносит обет послушания³⁰. Главным примером для христианина в этом делании остается Сам Господь наш Иисус Христос. Он неоднократно говорит в Евангелии о том, что творит не Свою волю, но волю пославшего Его Отца (см.: Ин. 5, 30); что Он пришел послужить людям, но не для того, что бы служили Ему (см.: Мф. 20, 28). Многие подвижники, встав на путь борьбы с грехом, старались в полной мере исполнить этот призыв Спасителя о служении ближнему.

Жития святых полны описания такого служения. Одним из ярких примеров этому является житие святого праведного Алексия Бортсурманского. В начале своего служе-

²⁸ *Феофан Затворник, свт.* Воплощенное домостроительство... С. 495.

²⁹ См.: *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица. М., 2006. С. 217.

³⁰ См.: *Требник монашеский.* М., 2006. С. 21.

ния он не отличался строгостью жизни и исполнения заповеди о служении ближнему. Но после откровения, данного ему от Бога, вся его последующая жизнь прошла в служении ближним³¹. О самоотверженном служении ближним рассказывает Борис Николаевич Ширяев в своей книге «Неугасимая лампада». Фрейлина трех императриц, попав в застенки концлагеря, не потеряв чувство собственного достоинства и сохранив в себе веру и способность видеть в каждом человеке образ Божий, пусть ненадолго, но меняет привычный образ жизни этого заведения. Своей жизнью она снискала уважение и доверие обитательниц барака. И даже когда она идет в тифозный барак ухаживать за больными, воодушевленные ее примером, за ней идут и несколько обитательниц этого барака³². «Истинное счастье — это служение своим ближним»³³.

У человека, который не ведет борьбу с грехом, а потворствует ему, в сердце укореняется эгоизм и себялюбие. Если желание помочь ближнему и возникает в его сердце, то тут же заглушается мыслями саможаления: «И зачем тебе надо тратить свое время, лучше отдохни»; «Помочь деньгами — самому нужны». И если человек не отгонит эти мысли, то скоро они заглушат и эти добрые позывы души. Как у нерадивого садовника на клумбе произрастают и сорняки, и розы, так и у такого человека из сердца выходят противоположные помыслы. Вот как об этом пишет Вышенский Затворник: «Как он свою жизнь предал обыкновенному течению, то и чувства у него, и добрые и злые, развиваются и укореняются в сердце вместе, без его ведома, и составляют смесь иногда очень странную. Как ревности о чистоте чувств сердечных у него нет, то он и не напрягается дать перевес

³¹ См.: *Макарий (Симонопетровский), иером.* Жития святых Православной Церкви. Синаксарь в шести томах. М., 2011. Т. 2. С. 117.

³² См.: *Ширяев Б.Н.* Неугасимая лампада. М., 2004. С. 133.

³³ Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю о милосердном самарянине // <http://www.patriarchia.ru/db/text/26.html>

чувствам добрым, а оставляет их самим себе и большею частью искажает пристрастиями и страстями. Судя по сему, нравственная цена их ничтожна. Напротив, чувства эгоистические у него глубоко лежат в сердце и там устроят себе жилище постоянное. Это случайность, если они когда-либо заглушаются в сердце, что большею, впрочем, частью бывает от прилива естественных симпатических чувств к родным и приятелям»³⁴.

Эстетические чувства рождаются в сердце в ответ на действия на него предметов, называемых изящными или прекрасными³⁵. Вызывать подобные чувства могут не только произведения искусства (картины, скульптуры, музыкальные произведения), создаваемые самим человеком, но и созерцание окружающего мира, творцом которого является Бог. Он, как Изрядохудожник³⁶, премудро все устроивший, должен являться учителем и источником вдохновения для людей искусства.

Один из образов подобия Божиего в человеке святые отцы видели в возможности создавать, творить нечто новое. И именно поэтому одной из первых человеку была дана заповедь о возделывании рая. Своим трудом, своими действиями он должен был привести тварную природу к Творцу³⁷. И так было до грехопадения. После того как грех проник в душу человека, чувство прекрасного, возвышенного стало искажаться. Все чаще в предметах, изготавливаемых человеком, стала проявляться его страстность. Именно эту страстность в искусстве осуждали отцы Церкви, а не само искусство. Осуждение театра святителем Иоанном Златоустом и запрет христианам ходить в них проистекали имен-

³⁴ *Феофан Затворник, свт.* Воплощенное домостроительство... С. 501.

³⁵ См.: Там же. С. 391.

³⁶ Из молитвы в Последовании Таинства Крещения.

³⁷ См.: *Епифанович С.Л.* Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М., 1996. С. 154.

но из этого³⁸. Вся языческая культура была пронизана человеческими страстями. Но, признавая важность искусства для жизни человека, святые отцы акцентировали внимание на внутреннем содержании. «Очевидно, что внешнее здесь малозначительно и главное — внутреннее, то, что выражается. По различию сего внутреннего содержания должно различать и вкусы. Их два вида: один — истинный, любящий надлежащее содержание изящного, другой — ложный и извращенный, любящий ненадлежащее его содержание»³⁹.

«Теперь вопрос: какое надлежащее и какое ненадлежащее содержание изящного? Что такое идея или чувство изящного? Оно есть или воспоминание о потерянном рае, или предощущение будущего Небесного Царствия. Если изящные предметы строятся под руководством сего чувства, то вот и источник содержания для них! Изображай райское, святое, небесное. Эту землю плачевную преврати в преддверие неба твоим искусством. Если человека повсюду окружают предметы земные, ради коих он может забывать о небе — своем отечестве; то окружи его такими искусственными произведениями, которые напоминали бы ему о нем, подобно тому как иные, живя в чужой стране, окружают себя изображениями своего города, дома, родителей и прочего. Мир, творение Божие, преисполнен отражениями Божественных свойств, но там они в такой широте и необъятности: собери их в малый объем и представь умному взору человека слабого в картине или музыке. Опять, что должен человек образовать в душе своей в жизни сей? Святые и небесные расположения. Дай же ему в помощь и внешний лик сих расположений, чтоб тем успешнее он мог внедрить их в себе. Из всего этого видно, что главным содержанием изящного должны быть предметы мира духовного. Само собою

---

³⁸ См.: *Иоанн Златоуст, свт.* Полное собрание творений: В 12 т. М., 2009. Т. 3. С. 116.

³⁹ *Феофан Затворник, свт.* Воплощенное домостроительство... С. 281.

разумеется, что им должна соответствовать и внешняя форма. Если теперь изображаются страсти, и преимущественно плотские, изображаются в свойственном им бесстыдстве и приманчивых видах, или если изображаются и добрые предметы, но в формах, недостойных их: в таком случае изящное извращается. Теперь легко судить об истинном и ложном вкусе: истинный вкус наслаждается предметами, выражающими мир духовный, нравственный, Божественный; извращенный вкус любит наслаждаться предметами, изображающими страсти или вообще оттененными страстию и питающими ее. Как теперь должен быть извращен вкус у грешника, видно из настроения его души, которая в нем исполнена страстей и предана похотям. Он не найдет красоты в духовном. Не без удовольствия иногда смотрит он и на картины духовные, но только если они оттенены по его духу, равно и пение церковное готов слушать, но если оно имеет молитвы страстные. Ему везде скучно, где не встречает он предметов одного с ним духа. И напротив, как цел вкус у живущего по духу Христову! Как в себе, так и вовне он не любит видеть и тени страстей, преследует их и гнушается ими. С другой стороны, как внутри напрягается он чувствовать свято, так и вовне любит смотреть только на предметы святые и, коль скоро встретит их, один почти умеет оценить все их достоинство и все совершенство. Таким образом, грех извращает и предметы изящные, и самый вкус; напротив, христианство и изящное восстанавливает, и вкус врачует. Как в познании худое направление рассудка извращает разум, худое направление воли извращает совесть, — так здесь худое направление вкуса извращает духовные чувства»⁴⁰.

Низшие, или чувственно-животные, чувства человека проявляются в скором волнении или поражении сердца, погашают самодеятельность рассудка и воли и сопровождаются особенными изменениями в теле⁴¹. Основную часть таких про-

⁴⁰ *Феофан Затворник, свт.* Воплощенное домостроительство... С. 434.

⁴¹ См.: Там же. С. 331.

цессов представляют ответные реакции человеческой самости, его эгоистических желаний. Потому иногда их все относят к животнo-чувственной части человека. Условно эти реакции можно разделить на группы по характеру их воздействия на высшие силы человека. Вот как описывает их воздействие святитель Феофан: «Так, одни погашают ясность сознания, как то: удивление, изумление, увлечение внимания, испуг; другие подрывают волю, как то: страх, гнев, ретивость; третьи, наконец, терзают самое сердце, которое то радуется и веселится, то скучает, скорбит, досадует и завидует, то надеется и отчаивается, то стыдится и раскаивается или даже попусту мятется мнительностью»⁴².

Такую власть над человеком они обретают в том случае, если последний живет не по закону Божию, а по науке бесовской. Когда духовная жизнь человека мертва, а душевные чувства исказились под действием греха, то низшие чувства берут власть в свои руки. Этому способствуют невнимательное отношение к себе, следование общему влечению обстоятельств. К тому же полностью подавляются и так слабые воля и рассудок. Но сильнее всего такому состоянию подвергается сердце, и вот как об этом пишет святитель Феофан: «Грешник как бы неизбежно в непрестанных тревогах. Нет в нем силы, которая бы защитила его от их злого влияния. То страх, то радость, то тоска, то стыд, то огорчение, то зависть или другое что непрерывно мнут и уязвляют душу его. Жизнь грешника есть путь по колючим тернам, несмотря на внешнюю светлую обстановку».

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что эмоции человека (чувства) не являются разрушительными сами по себе, но становятся таковыми у человека-грешника, когда нарушается иерархия сущностных сил и чувств человека и телесный уровень становится доминирующим. Светская психология ничего не говорит об иерархическом строении человека, ее рекомендации не затрагивают духовно-нравственного аспекта эмоций, поэтому

---

⁴² Там же. С. 478.

предлагаемые ею средства регуляции эмоций носят половинчатый характер.

Эмоции были заложены в человека Творцом и должны были служить неким источником энергии для достижения главной цели — богообщения. Хотя в первую очередь не что иное как воля ведет человека к действию, однако решению воли предшествует эмоциональная склонность. Отсюда роль эмоций является важной и, более того, необходимой. Без них человек был бы инертным и медлительным в осуществлении той деятельности, которая должна вести к нравственному росту и совершенству.